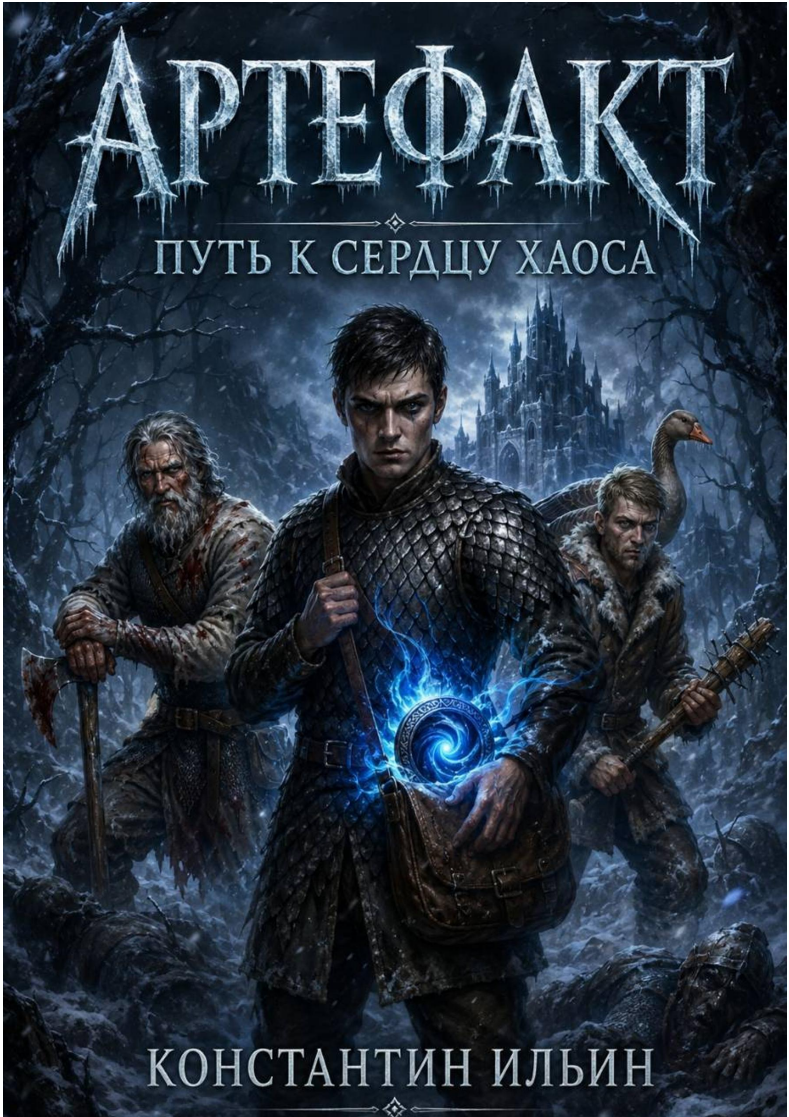

АРТЕФАКТ
ПУТЬ К СЕРДЦУ ХАОСА
КОНСТАНТИН ИЛЬИН

Константин Ильин

Артефакт. Книга 2: Путь к Сердцу Хаоса

https://litres.ru/74126202
SelfPub; 2026

Аннотация

Валера, Лёва, Никола и гусь Евдоким продолжают путь с Сердцем Хаоса — артефактом, который дарит силу, но медленно вытягивает душу носителя.

Дорога ведет от проклятых лесов и Златограда к северным ледяным вратам, где древний холод может остановить то, что просыпается внутри диска.

Темное фэнтези о цене силы, братской верности, искуплении и выборе между спасением мира и собственной человечностью.

Содержание

Аннотация 4
Глава 1. Зов крови 5
Глава 2. Шепот в темноте 12
Глава 3. Дорога мертвых снов 20
Глава 4. Крысиная тропа 29
Глава 5. Тени Старого Леса 39
Глава 6. Дар Хранителя 48
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Константин Ильин
Артефакт. Книга 2: Путь к Сердцу Хаоса

Аннотация

Валера, Лёва, Никола и гусь Евдоким продолжают путь с Сердцем Хаоса — артефактом, который дарит силу, но медленно вытягивает душу носителя.

Дорога ведет от проклятых лесов и Златограда к северным ледяным вратам, где древний холод может остановить то, что просыпается внутри диска.

Темное фэнтези о цене силы, братской верности, искуплении и выборе между спасением мира и собственной человечностью.

Глава 1. Зов крови

Лес встретил их неласково. Стоило куполу старой церкви скрыться за кронами деревьев, как солнечный свет, казалось, померк. Ветви вековых елей сплетались над головой в плотный, удушливый шатер, не пропускающий ни лучика, а воздух стал густым и влажным, пахнущим прелой листвой и грибницей.

Валера шел вторым, сразу за священником. Его сапоги глухо стучали по корням, выпирающим из земли, как жилы старого великана. Сумка с артефактом, висевшая на плече, казалась тяжелее обычного. Если раньше диск грел бок приятным, живым теплом, то теперь это тепло стало навязчивым, почти лихорадочным. Валере то и дело казалось, что внутри сумки что-то ворочается, хотя он знал — металл не может двигаться.

— Долго нам еще идти до тракта? — нарушил тишину Лёва. Он шел замыкающим, сжимая в руках свою новую шипованную дубину, подарок Николы. Евдоким, сидящий у него на плече, дремал, спрятав клюв под крыло, но даже во сне его когти крепко цеплялись за куртку хозяина.

Никола остановился и оперся на топор. Его лицо, еще носившее следы недавней битвы с Марфой и мертвецами, было хмурым. Он втянул носом влажный воздух.

— Тракт к вечеру будет, если леший не закружит, — ответил он своим скрипучим голосом. — А вот до Златограда нам недели две топать. И это если повезет.

— Златоград… — протянул Валера, поправляя лямку, которая, казалось, врезалась в плоть. — Ты уверен, что нам туда надо? Может, лучше в глушь? Подальше от людей?

Священник покачал головой. Рыжая борода его блеснула в редком луче света.

— В глуши мы с твоей ношей долго не протянем, Валера. Артефакт силу копит. Ему выход нужен, или знание, как его усмирить. В Златограде есть библиотеки, есть мудрецы. Да и затеряться в толпе проще, чем в лесу, где каждая сорока на хвосте новости носит.

Валера не ответил. Ему вдруг послышался тонкий, едва уловимый звон — будто кто-то провел мокрым пальцем по хрустальному бокалу. Звук шел не из леса, а прямо из сумки. Он тряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение, но звон лишь усилился, перерастая в шепот.

— Ты чего, брат? — Лёва подошел ближе, с тревогой заглядывая ему в лицо. — Бледный какой-то.

Валера инстинктивно прижал руку к сумке, словно защищая её от чужого взгляда. — Нормально всё. Идемте.

Но пройти они успели лишь пару шагов. Евдоким вдруг проснулся, встрепенулся и издал низкий, шипящий звук, вытянув шею в сторону густого орешника. Никола тут же вскинул руку, призывая к тишине.

— Тихо, — шепнул он. — Гусь зря не гогочет.

Лёва напрягся, подняв биту. Цепь на ней тихо звякнула. И в этот момент из чащи вылетел камень, ударив в ствол дерева

рядом с головой священника. Следом раздался свист, и на тропу, ломая ветки, выскочило трое.

Это были не мертвецы. Это были люди, одетые в грубые шкуры и маски, сделанные из человеческих тазовых костей. В руках они сжимали кривые ножи и короткие копья с зазубренными наконечниками.

— Отдай… — прошипел передний, указывая острием копья на Валеру. — Отдай Сердце…

Валера почувствовал, как страх внутри сменяется холодной, чужой яростью. Артефакт в сумке раскалился, посылая волны боли и силы прямо в мозг.

— **МОЁ!** — взревел Валера. Голос его прозвучал подобно скрежету камней.

Культист рванулся вперед, метя копьем в горло, но Валера даже не попытался уклониться. Он вскинул сумку навстречу удару. Из ткани вырвалась не вспышка света, а ударная волна густой, вязкой тьмы, пронизанной синими молниями.

Она врезалась в грудь нападавшего с тошнотворным влажным звуком. Костяная маска лопнула, впиваясь осколками в лицо, а грудная клетка культиста просто взорвалась вовнутрь. Слышно было, как с треском ломаются ребра, протыкая легкие. Человека отшвырнуло назад, как тряпичную куклу. Он врезался в ствол сосны с такой силой, что его позвоночник хрустнул, и тело сползло в траву бесформенным мешком плоти и костей.

— Господи Иисусе... — выдохнул Никола, но времени на

шок не было.

Второй культист, видя смерть товарища, взвыл и кинулся на священника, занося нож. Никола, действуя на рефлексах, шагнул навстречу. Он перехватил руку с ножом и с размаху опустил топор.

Лезвие вошло в плечо врага, разрубая ключицу и мышцы. Кровь брызнула горячим фонтаном, заливая лицо священника. Культист заверещал, но Никола, стиснув зубы, рванул топор на себя, с чавканьем выдирая его из живого мяса. Рука врага повисла на лоскуте кожи, обнажая белую кость. Не дав ему упасть, Никола добил его ударом сапога в висок. Хруст черепа был отчетлив и жуток.

— Лёва, сзади! — заорал священник.

Третий нападавший пытался зайти со спины к младшему брату. Но Евдоким был быстрее. Гусь, похожий на белую молнию, взмыл в воздух и вцепился клювом в шею врага, выдирая кусок мяса. Человек захлебнулся криком, схватился за горло, из которого хлестала алая струя.

Лёва, бледный до синевы, но с глазами безумца, размахнулся своей новой битой. Цепь свистнула в воздухе. Тяжелое, утыканное гвоздями навершие врезалось в бок культиста. Гвозди пробили кожаную куртку и вошли в тело, разрывая почку.

Враг дернулся, но Лёва, ведомый страхом и адреналином, ударил снова — сверху вниз, прямо по голове. Костяная маска разлетелась вдребезги, смешавшись с мозгом и кровью.

Тело рухнуло в грязь и затихло.

На поляне повисла тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием и гудением мух. Лёва выронил биту, его руки тряслись. Его мутило от вида того, что он сотворил.

Но страшнее всего выглядел Валера.

Он стоял над телом первого культиста — того, чью грудь он вмял внутрь одной лишь силой мысли. Валера не отвернулся. Он смотрел на изуродованный труп с жадным, нездоровым интересом. Его рука гладила сумку, как гладят любимого пса после удачной охоты.

— Еще... — прошептал он едва слышно. Голос был сухим, ломким. — Они хотели забрать моё...

Он поднял взгляд на товарищей. На секунду Лёве показалось, что глаза брата полностью черные, без белков, как у мертвой Марфы.

— Валера? — тихо позвал Лёва, делая шаг назад.

Валера моргнул. Чернота отступила, оставив лишь привычную кареть, но в глубине зрачка всё ещё тлел холодный синий огонек.

— Надо идти, — сказал Валера безжизненным тоном, переступая через лужу крови. — Кровь привлечет других.

Он двинулся дальше по тропе, даже не оглянувшись. Никола и Лёва переглянулись, и в глазах священника Лёва увидел тот же страх, что сжимал его собственное сердце: *кого они теперь боятся больше — лесных убийц или того, кто идет с ними рядом?*

Глава 2. Шепот в темноте

Они шли до самого заката, не проронив ни слова. Лес вокруг сгустился, превратившись в черно-серую стену, и лишь когда ноги начали подкашиваться от усталости, Никола скомандовал привал.

Место выбрали в небольшой низине, укрытой корнями вывороченного дуба. Это было плохое укрытие от стрел, но хорошее от ветра.

Лёва, стараясь не смотреть на свои руки, принялся собирать хворост. Его новая бита лежала на траве, и в отсветах разгорающегося костра было видно, что между шипами и цепью застряли темные, засохшие сгустки. Он попытался оттереть их пучком травы, но тошнота подступила к горлу, и он отшвырнул оружие подальше в тень. Евдоким, обычно суетливый и громкий, сейчас сидел тихо, нахохлившись, и не сводил черных глаз-бусинок со старшего брата.

Валера не помогал с лагерем. Он сел у самого огня, подтянув колени к груди, и положил сумку на колени. Его руки обнимали грубую ткань, пальцы нервно перебирали края, словно он нащупывал пульс у умирающего.

— Поешь, — Никола протянул Валере кусок вяленого мяса.

Валера даже не повернул головы. — Не хочу.

— Ты не ел с самого утра, парень. Силы нужны, — настойчиво повторил священник.

— Я сказал — не хочу! — рявкнул Валера.

Он резко поднял голову, и Лёва вздрогнул. Лицо брата осунулось всего за несколько часов. Под глазами залегли глубокие тени, кожа приобрела землистый оттенок, а губы были искусаны в кровь. Но страшнее всего был взгляд — блуждающий, расфокусированный, он смотрел сквозь Николу, словно видя за его спиной кого-то третьего.

Священник медленно убрал мясо. Он сел напротив, положив топор на колени так, чтобы рукоять была под рукой.

— Валера, — начал он тихо, но твердо. — То, что случилось на тропе... Твоя сила. Она растет.

Валера криво усмехнулся. — Растет. И она спасла ваши шкуры. Или ты забыл, как хрустели их кости?

— Я помню, — кивнул Никола. — Но я также вижу, что она делает с тобой. Ты горишь, парень. Тебя трясет, как в лихорадке. Этот диск... он пьет тебя.

— Он дает мне силу! — Валера прижал сумку крепче. — Он говорит со мной! Он показывает путь!

— И куда он ведет? — вмешался Лёва, голос его дрожал. — Валер, ты сам не свой. Ты убил того человека... ты его просто раздавил. Как насекомое.

— Они хотели забрать его! — прошипел Валера, и в этом шипении послышались нотки голоса Марфы. — Они все хотят забрать! Но я не дам.

Никола переглянулся с Лёвой. В глазах священника читалось решение, которое пугало младшего брата до дрожи.

— Валера, — Никола подался вперед, стараясь говорить

мягко, как с больным ребенком или бешеным псом. — Тебе нужно поспать. По-настоящему поспать, а не провалиться в бред. Дай мне сумку. Только на ночь. Я положу её под голову, буду сторожить. А ты отдохнешь.

В лесу повисла тишина. Даже треск костра, казалось, стал тише.

Валера медленно выпрямился. Его пальцы, до побеления сжимавшие ткань, разжались, но лишь для того, чтобы лечь на землю, готовясь к прыжку.

— Отдать? — переспросил он тихо. — Ты хочешь, чтобы я отдал его тебе?

— Только на ночь, — повторил Никола, протягивая руку. — Я не враг тебе, Валера.

— Лжец! — взвизгнул Валера.

Вспышка была мгновенной. Валера вскочил на ноги, отпрыгивая назад, во тьму. Сумка болталась на его плече. Его лицо исказилось в гримасе ненависти.

— Я слышу, как ты думаешь! — заорал он, тыча пальцем в священника. — Он мне сказал! Ты хочешь забрать его! Хочешь отнести в Златоград и продать своим бывшим дружкам-инквизиторам!

— Валера, что ты несешь?! — Лёва тоже вскочил, хватая брата за руку.

— Не трогай! — Валера отшвырнул Лёву с неестественной силой. Младший брат отлетел на пару метров и больно ударился спиной о дерево.

Евдоким зашипел, расправив крылья, и бросился между братьями, вытянув шею в сторону Валеры. Гусь чувствовал зло, и сейчас оно исходило от того, кто всегда кормил его хлебом.

Никола медленно поднялся. Топор был в его руке.

— Остынь, парень, — голос священника стал стальным. — Посмотри на себя. Ты кидаешься на брата. Ты видишь предательство там, где его нет. Это не ты говоришь. Это вещь в твоей сумке.

— Не подходи, — прохрипел Валера.

Вокруг него воздух начал сгущаться. Тени от деревьев потянулись к его ногам, словно ластящиеся коты. Из сумки начал пробиваться холодный синий свет, просвечивая сквозь грубую ткань.

— Я раздавлю тебя, поп, — голос Валеры стал двойным, низким, вибрирующим. — Я выверну тебя наизнанку, как того ублюдка на тропе. Не смей касаться Моего Сердца.

Никола сделал шаг вперед. — Я не боюсь смерти, Валера. Но я обещал помочь вам дойти. И я не дам этой дряни сожрать твою душу, пока мы еще даже не вышли из леса.

Он сделал еще шаг. — Отдай. Сумку.

Валера оскалился. Он поднял руку, и Никола почувствовал, как невидимая петля сжалась на его горле. Священник захрипел, хватаясь за шею, его ноги оторвались от земли на дюйм.

— Валера, нет! — закричал Лёва, поднимаясь с земли. —

Ты убьешь его! Остановись! Это же Никола!

Глаза Валеры горели синим огнем. Он наслаждался. Он чувствовал, как жизнь бьется в жилке на шее священника, и мог оборвать её одним желанием.

— Он враг, — прошептал Валера. — Он хочет забрать...

— Он друг! — Лёва подбежал к брату, но не стал бить. Он просто обнял его, прижав руки к бокам, блокируя жест. — Валера, очнись! Это мы! Лёва и Евдоким! Мы здесь!

Контакт с братом подействовал как ушат ледяной воды. Синий огонь в глазах Валеры дрогнул и погас. Невидимая хватка исчезла, и Никола рухнул на колени, жадно хватая воздух ртом.

Валера обмяк в руках Лёвы. Его трясло.

— Я... я не хотел... — пробормотал он, глядя на свои руки. — Оно само... Лёва, оно само...

Никола, кашляя и держась за горло, поднял взгляд. В его глазах не было злости, только мрачная решимость и страх.

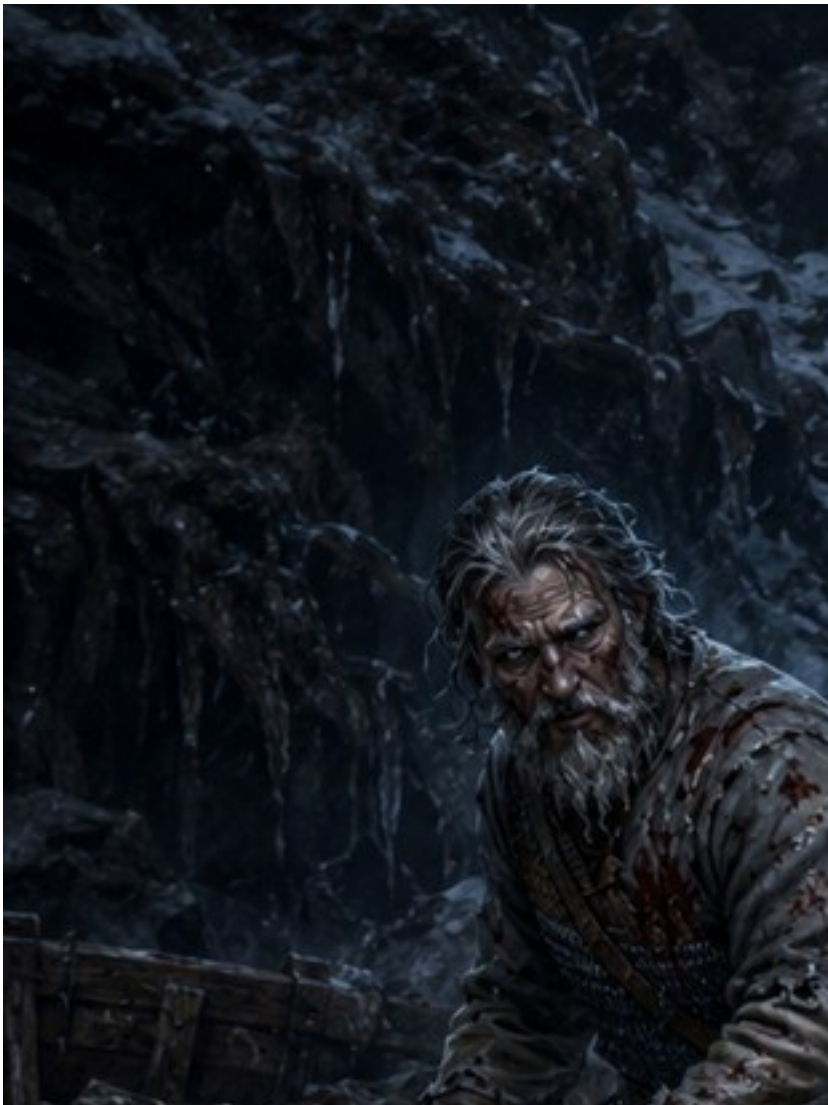
— Оставь сумку себе, — прохрипел священник. — Но запомни, парень. В следующий раз, когда ты поднимешь на меня руку... я не буду стоять и ждать. Я отрублю её.

Валера сполз на землю, прижимая сумку к животу. Он плакал — беззвучно, страшно. Лёва сидел рядом, гладил его по голове, а Евдоким, успокоившись, подошел и положил голову на колено Валеры, тихо курлыкая.

Никто из них не спал в ту ночь. Никола сидел у костра, точа топор, и звук камня о металл был единственным, что

нарушало тишину леса. А из чащи за ними наблюдали сотни глаз, но никто не решался напасть. Твари чувствовали: у этого костра сидит чудовище страшнее их самих.

Глава 3. Дорога мертвых снов

Утро не принесло облегчения. Солнце, едва пробившись сквозь кроны, казалось тусклым и болезненным, словно бельмо на глазу слепца. Лес молчал. Птицы не пели, и даже ветер не решался шевелить верхушки сосен.

Никола шел первым, то и дело останавливаясь, чтобы проверить следы на влажной земле. Его мысли были тяжелыми, как мельничные жернова. *«Я обещал помочь им дойти,* — думал священник, скользя взглядом по сгорбленной фигуре Валеры. — *Но кого я веду? Мальчишку, которого знал, или сосуд для тьмы? Вчера он чуть не убил меня. Не в гневе, не в бою, а просто потому, что я подошел слишком близко. Его душа уже в пятнах, как гниющее яблоко. И если придется выбирать между его жизнью и безопасностью мира... смогу ли я опустить топор?»*

Он оглянулся. Валера брел, спотыкаясь. Он что-то шептал себе под нос, его рука судорожно сжимала лямку сумки.

В голове Валеры не было тишины. Там стоял гул, похожий на шум далекого водопада, в который вплетались голоса. Они были ласковыми, вкрадчивыми. *«Они не понимают,* — шептал голос, похожий на треск сухих веток. — *Старик боится тебя. Он завидует. Он хочет забрать Силу, чтобы самому стать великим. А младший... он слаб. Он тебя предаст, как только станет страшно. Только я верен тебе. Только мы — одно целое».* — Заткнись, — прошептал Валера, мотнув головой. *«Смотри,* — продолжал голос. —

Смотри, что мы можем...»

— Эй! — тихий оклик Лёвы заставил всех замереть.

Младший брат стоял чуть в стороне, у края оврага. Евдоким на его плече вытянул шею и тревожно шипел. Лёва выглядел измученным. Всю ночь ему снилось, как он разбивает голову культиста своей битой. Хруст костей преследовал его даже наяву. *«Я убийца,* — билась мысль в его голове. — *Я защищал брата, да. Но мне... мне понравилось, как легко вошли шипы. Что со мной происходит? Мы прокляты. Все мы».*

— Там, внизу, — Лёва указал битой в овраг. — Повозка.

Они спустились осторожно, стараясь не шуметь. То, что они нашли, когда-то было богатым купеческим обозом. Теперь это была груда щепок и рваной ткани.

Огромная крытая телега лежала на боку, колеса были раздроблены в щепы. Вокруг валялись товары: рулоны дорогого сукна, втоптанные в грязь, рассыпанное зерно, осколки посуды. Но не это заставило Николу перекреститься.

Тела. Их было с десяток. Охрана и возничие. Они не были убиты оружием. Их словно разорвало изнутри или скрутило неведомой силой. Одному охраннику вмяли голову в плечи так, что шеи не было видно. Другого буквально намотало на ствол дерева, словно мокрую тряпку.

— Кто это сделал? — прошептал Лёва, зажимая нос рукавом. Запах крови и выпотрошенных внутренностей был невыносим. Евдоким спрятал голову под крыло Лёвы, отка-

зываясь смотреть.

Никола присел у одного из тел. — Не люди, — мрачно констатировал он. — И не обычные звери. Тут работала грубая, но огромная сила. Словно великан прошел и раскидал игрушки.

Валера подошел к перевернутой повозке. Он не чувствовал отвращения. Наоборот, вид растерзанной плоти вызывал в нем странный, холодный интерес. Артефакт в сумке завибрировал, посылая волны тепла по бедру. *«Слабаки,* — прошелестел голос в голове. — *Они были пусты. Мясо и кости. А ты... ты полон».*

Вдруг краем глаза Валера заметил движение. За стволом березы, метрах в десяти, кто-то стоял. Валера моргнул. Фигура не исчезла. Это был Гришка. Тот самый деревенский пьяница, которого они нашли выпотрошенным. Но сейчас он выглядел целым, только лицо было серым, как пепел, а вместо глаз зияли черные провалы.

Гришка улыбнулся рваным ртом и поманил Валеру пальцем. — Валера! — окликнул Никола. — Не отставай. Тут ничего полезного, даже еду испортили. Уходим.

— Вы идите, — голос Валеры звучал отстраненно. — Я сейчас.

Он сделал шаг в сторону березы. Гришка хихикнул и юркнул в кусты. *«Он знает путь,* — шепнул Артефакт. — *Он покажет короткую дорогу. Старик ведет тебя кругами. Он хочет измотать тебя».*

— Валера! — Лёва схватил брата за локоть. Валера дернулся, готовый ударить, но увидел испуганные глаза Лёвы и сдержался. Призрак Гришки исчез. — Ничего, — буркнул он. — Показалось.

Они выбрались из оврага и продолжили путь вдоль следов, оставленных теми, кто уничтожил обоз. Следы были странными — глубокие рытвины, словно кто-то тащил что-то тяжелое, но не было отпечатков ног.

К полудню лес начал редеть. Деревья расступились, открывая вид на широкую долину, укрытую серым туманом. И посреди этой долины, словно мираж, стояла деревня.

Никола остановился, разворачивая свою старую, потрепанную карту. Он водил пальцем по пергаменту, хмурясь все сильнее. — Бред какой-то, — пробормотал он. — Здесь нет деревни. Здесь должны быть болота, Гнилая Падь. А это...

Деревня выглядела богатой. Крепкие избы из светлого бревна, высокие заборы, дым из труб. Но было в ней что-то неправильное. Слишком тихо. Слишком чисто. Ни лая собак, ни мычания коров.

— Может, новые поселенцы? — с надеждой спросил Лёва. Мысль о горячей еде и крыше над головой затмевала осторожность. — Никола, у нас вода кончилась, и хлеба последняя корка.

Священник колебался. Инстинкт вопил: «Ловушка!», но логика говорила, что им нужен отдых. Валера выглядел так, словно вот-вот упадет в обморок, а у самого Николы раны

под повязками начали гореть огнем.

— Подойдем осторожно, — решил он. — Оружие не прятать, но и не махать им почем зря. Валера... держи себя в руках. Если начнешь чудить — свяжу.

Валера лишь криво ухмыльнулся. Он снова видел их. Марфа стояла у крайнего дома и махала ему платочком. Рядом с ней, опираясь на забор, стоял тот культист, которому Валера раздавил грудь. Они ждали его. *«Твои подданные,* — шептал голос. — *Они ждут Короля».*

Они вошли в деревню. Улицы были пустынны, но выметены дочиста. Окна домов были закрыты ставнями, на которых были вырезаны странные символы — не кресты, и не солярные знаки, а переплетенные спирали, похожие на змей.

Вдруг ворота ближайшего дома распахнулись. На улицу вышел староста — тучный мужчина в богатом кафтане, с окладистой бородой. За ним высыпало с десяток мужиков. Все они были крепкими, румяными, но их глаза... Лёва вздрогнул. Глаза у всех были водянисто-голубыми, почти прозрачными, и они не моргали.

— Гости! — раскинул руки староста. Голос его был гулким, слишком громким для пустой улицы. — Радость-то какая! Давненько к нам в **Тихие Омуты** никто не заглядывал.

Евдоким на плече Лёвы зашипел так яростно, что чуть не сорвался на крик. Гусь распушил перья, став в два раза больше, и начал пятиться, царапая когтями куртку.

— Мир вашему дому, — осторожно сказал Никола, не

убирая руку с топорища. — Мы путники, идем в Златоград. Нам бы воды и ночлег, если позволите. Заплатим работой или серебром.

Староста улыбнулся. Улыбка была широкой, но губы не дрогнули, словно были вырезаны из дерева. — Какое серебро, отец! Для таких гостей — всё даром. У нас сегодня праздник. **Большая Ночь**. Как раз к столу поспели.

Валера шагнул вперед. Он смотрел не на старосту, а ему за спину. Там, в тени двора, он видел тени. Они извивались, сплетались в клубки. — Они знают, — сказал Валера громко, и его голос сорвался на хрип. — Они знают, что у меня в сумке.

Староста перевел взгляд на Валеру. Прозрачные глаза на миг потемнели, став похожими на два бездонных колодца. — У каждого своя ноша, путник, — мягко, слишком мягко сказал он. — Заходи. У нас найдется место и для тебя, и для твоего... груза. Мы здесь чтим старые традиции. Очень старые.

Лёва дернул Николу за рукав. — Никола, пойдем отсюда, — шепнул он одними губами. — У него под кафтаном... я видел... у него там что-то шевелится.

Никола видел. И он видел те самые символы на ставнях. Это были знаки не защиты, а *призыва*. Но отступать было поздно. Из переулков, молча и с теми же застывшими улыбками, начали выходить другие жители. Женщины, дети, старики. Они смыкали кольцо. В руках у них не было оружия,

но были веревки, крюки и странные костяные дудочки.

— Прошу к столу, — повторил староста, и в его голосе зазвенела сталь. — Отказ не принимается. Хозяин *очень* голоден.

Валера вдруг засмеялся. Это был страшный, лающий смех. Он погладил сумку. — Голоден? — спросил он, и в его глазах снова вспыхнул синий огонь. — Ну так давай посмотрим, кто кого сожрет.

Никола выругался сквозь зубы и сдернул чехол с топора. Лёва перехватил биту, чувствуя, как по спине течет холодный пот. Евдоким издал боевой клич.

Деревня «Тихие Омуты» перестала притворяться гостеприимной.

Глава 4. Крысиная тропа

Староста Тихих Омутов не стал ждать. Он лишь слегка кивнул своим застывшим спутникам, и маски добродушия слетели с их лиц, словно сгнившая кора с мертвого дерева.

— Взять их! — рявкнул он, и его челюсть при этом открылась неестественно широко, обнажая ряды мелких, острых зубов, уходящих глубоко в глотку. — Не повредите Носителя! Остальных — на мясо!

Толпа жителей хлынула вперед единой серой волной. Они не кричали, не рычали — они двигались в жуткой тишине, нарушаемой лишь топаньем ног и свистом костяных дудочек, которые некоторые из них поднесли к губам. Звук этих дудок был невыносим: высокий, визгливый, он ввинчивался в мозг, вызывая тошноту и головокружение.

«Они не люди, — мелькнула мысль в голове Николы, пока он перехватывал топор. Священник чувствовал, как старые раны под повязками вспыхнули новой болью, но адреналин заглушил её. — *В их глазах нет души. Это куклы. Пустые оболочки, набитые тьмой».*

Первый селянин, дюжий мужик в фартуке мясника, бросился на Николу с тесаком. Священник ушел в сторону привычным, отработанным движением и рубанул топором по руке нападавшего. Лезвие прошло сквозь плоть легко, слишком легко. Рука с тесаком упала в пыль, но крови не было. Из обрубка потекла густая серая жижа, пахнущая болотной тиной, а из раны полезли длинные белые черви, извиваясь и

ища новую плоть.

— Твою ж мать! — выдохнул Никола, отшатываясь. Мясник даже не посмотрел на свою отрубленную руку. Он продолжал наступать, размахивая культей, словно дубиной.

С другой стороны на Лёву наседали две женщины. Их лица, еще минуту назад казавшиеся миловидными, теперь исказились: кожа натянулась на скулах, носы провалились. Они тянули к нему руки с неестественно длинными пальцами.

Лёва, охваченный паникой, взмахнул своей новой битой. *«Не смотри им в глаза,* — приказывал он себе, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — *Это не люди. Это просто… дрова. Руби дрова, Лёва».* Шипованное навершие врезалось в плечо одной из женщин. Раздался сухой треск, словно ломали сухую ветку. Женщину отбросило назад, но она не закричала. Она просто начала вставать, неестественно выгибая сломанные суставы.

Евдоким на плече Лёвы бился в истерике, хлопая крыльями и норовя клюнуть любую приближающуюся руку.

А в центре этого безумия стоял Валера.

Он не двигался. Вокруг него бушевала битва, но он был спокоен. Слишком спокоен. Артефакт в сумке раскалился добела, прожигая ткань, но Валера не чувствовал боли. Он чувствовал *Власть*. *«Они жалкие,* — шептал голос в его голове, теперь громкий и четкий, как колокол. — *Они — пыль под твоими ногами. Раздави их. Сожги эту деревню дотла. Покажи им, кто здесь настоящий Хозяин».*

Валера поднял руку. Его пальцы скрючились, словно он сжимал невидимое горло. — Прочь! — скомандовал он.

Воздух перед ним сгустился и взорвался ударной волной. Троих мужиков, бежавших к нему с веревками, подбросило в воздух. Их тела изогнулись под немыслимыми углами, кости захрустели, превращаясь в крошево. Они упали изломанными куклами, но даже тогда продолжали ползти к нему, волоча перебитые ноги.

— Их слишком много! — прохрипел Никола, отбиваясь уже от троих. — Валера, не стой столбом! Нам нужно укрытие!

Но Валера не слушал. Он смотрел на Старосту. Тот стоял поодаль, и его кафтан шевелился, словно под ним был не живот, а клубок змей. *«Убей главного,* — подначивал Артефакт. — *Возьми его силу».*

В этот момент, когда кольцо врагов почти сомкнулось, из-под крыльца ближайшего дома вынырнула тень. Это был человек — маленький, щуплый, одетый в лохмотья, с лицом, замотанным грязными тряпками.

Он подскочил к Лёве, дернул его за рукав и зашипел, указывая на узкий проход между амбаром и забором: — Сюда! Быстро! Крысиная тропа! Уходим!

Лёва шарахнулся, чуть не ударив незнакомца битой, но увидел в единственном открытом глазу оборванца не пустоту, а страх. Человеческий страх. — Никола! Валера! — заорал Лёва. — Сюда!

Никола, пнув очередного «пустого» в живот, обернулся. Увидев лаз, он понял — это единственный шанс. — Валера, бегом! — рявкнул он, хватая парня за шиворот, потому что тот всё еще стоял, гипнотизируя Старосту.

Валера очнулся, словно вынырнул из глубокой воды. Синий огонь в глазах погас, уступив место растерянности. — Что?..

— Бежим, дурень! — Никола толкнул его в сторону прохода.

Они нырнули в узкую щель между постройками. Оборванец бежал впереди, удивительно ловко перемахивая через кучи мусора и гнилые доски. Позади слышался топот и визг дудочек — погоня не отставала.

— Кто ты? — задыхаясь, спросил Лёва, стараясь не отставать.

— Яшка! — пискнул проводник, не оборачиваясь. — Яшка-Крысолов! Не болтай, дыхание береги! Они чуют страх и слова!

Они петляли по задворкам, пролезали через дыры в заборах, пробегали через зловонные свинарники, где в грязи валялись кости, слишком крупные для свиных.

— Куда ты нас ведешь? — прорычал Никола, когда они уткнулись в глухую стену старого сарая.

Яшка подбежал к куче сена, разбросал её, открывая люк в земле. — Под землю! В коллектор! Они туда не сунутся, там старая вода, святая когда-то была, жжет их!

— Опять под землю, — простонал Валера, но полез первым. Сумка била его по бедру, и он чувствовал, как Артефакт недовольно вибрирует. Ему не нравилось бегство. Он хотел крови. *«Трус,* — шептал голос. — *Мы могли бы убить их всех».* — Заткнись, — прошипел Валера сквозь зубы.

Они спрыгнули в темноту. Под ногами хлюпала вода. Пахло плесенью и чем-то кислым. Яшка захлопнул люк над головой как раз в тот момент, когда по доскам сверху застучали ноги преследователей.

— Тихо, — шепнул Яшка, прижимая палец к тряпкам на лице. — Они слушают землей.

Сверху доносилось царапанье и глухое рычание, но люк держался. Спустя минуту звуки начали удаляться.

Никола зажег небольшую лучину, которую выхватил из кармана. Слабый огонек осветил узкий каменный туннель, по полу которого текла мутная вода. Стены были покрыты слизью.

— Вы кто такие? — спросил Яшка, стягивая тряпку с лица. Лёва едва сдержал вскрик. У парня не было носа и половины верхней губы — лицо представляло собой старый, уродливый шрам. — Яшка, — повторил он, видя ужас в глазах Лёвы. — Меня Хозяин пометил. Не доел. Невкусный я.

— Мы путники, — ответил Никола, стараясь не смотреть на уродство парня. — Спасибо тебе, Яшка. Ты спас нам жизни. Что это за место? Кто эти... люди?

— Не люди, — Яшка сплюнул в воду. — Оболочки. Хозя-

ин выпивает их, а потом набивает болотной гнилью и своей волей. Они куклы. А Хозяин... он в большом доме. Он всегда голоден.

— Артефакт, — тихо сказал Валера. Он стоял, прислонившись к мокрой стене, и его трясло. — Хозяин почувствовал его.

Яшка кивнул, опасливо косясь на сумку Валеры. — Я чую. От твоей сумки пахнет... силой. И смертью. Такой же, как от Хозяина, только... другой. Более древней.

— Куда ведет этот туннель? — спросил Никола, поднимая лучину выше.

— В лес, — махнул рукой Яшка. — За холмы. К старому капищу. Туда пустые не ходят. Боятся.

— Веди, — скомандовал священник. — Нам нужно уйти как можно дальше, пока этот ваш Хозяин не решил вылезти из своего дома.

Они шли по щиколотку в воде около часа. Лёва то и дело оглядывался, ожидая увидеть светящиеся глаза во тьме. Ему казалось, что стены сжимаются. *«Мы бежим,* — думал он. *— Снова бежим. Сколько можно бегать? Мы должны сражаться. Но как драться с теми, кто уже мертв внутри? Как драться, когда твой собственный брат превращается в чудовище?»*

Валера шел молча. Борьба внутри него не утихала ни на секунду. Артефакт был недоволен. Он посылал волны жара, вызывая у Валеры приступы тошноты. *«Ты слаб,* — шипел

голос. — *Ты позволил уродцу командовать. Ты должен был сжечь их. Ты должен был накормить меня!»* Валера закусил губу до крови. Боль немного отрезвляла. *«Я — это я,* — твердил он про себя мантру. — *Я Валера. Я брат Лёвы. Я не убийца. Я не ты».* Но с каждым часом верить в это становилось всё труднее.

Наконец впереди забрезжил серый свет. Выход.

Они выбрались наружу, жадно вдыхая свежий, хоть и холодный воздух. Туннель вывел их в густой ельник на склоне оврага. Деревня «Тихие Омуты» осталась далеко позади, скрытая холмом и туманом.

Яшка остановился у выхода, ежась от холода. — Дальше не пойду, — сказал он. — Лес злой. Там волки, там лешие. Я тут, под землей, привычнее.

— Спасибо тебе, Яшка, — Лёва протянул ему остаток вяленого мяса, который завалялся в кармане. — Держи. Это настоящее, не гниль.

Уродец схватил мясо грязными пальцами и тут же запихал в рот, едва жуя. — Уходите, — прошамкал он. — Уходите быстро. Хозяин зол. Он пустит по следу Гончих.

— Гончих? — переспросил Никола, нахмурившись.

— Не людей, — глаза Яшки расширились от ужаса. — Зверей из костей и жил. Они не устают. Они не спят. Бегите.

И с этими словами Яшка нырнул обратно в темноту подземелья, словно крыса в нору.

Путники остались одни посреди темнеющего леса. Где-то

вдалеке, со стороны деревни, раздался протяжный, вибрирующий вой. Это не был волк. Это был звук, от которого вибрировали зубы.

— Гончие, — мрачно констатировал Валера. В его глазах снова появился тот холодный блеск. — Они идут за моей сумкой.

Никола проверил лезвие топора. — Тогда не будем их ждать. Вперед. Нам нужно найти место, где можно держать оборону. Или место, где их магия не работает.

— Такое место есть? — с надеждой спросил Лёва.

— Есть, — кивнул Валера, глядя в чащу леса невидящим взглядом. — Артефакт говорит... есть старый круг камней. Там, на севере. Там сила... другая. Она их не пустит.

— Ты веришь этому голосу? — тихо спросил Никола.

Валера посмотрел на священника. — У нас нет выбора, отец. Либо верить ему, либо стать кормом для Гончих.

Они двинулись на север, вглубь древнего леса, а за их спинами, среди деревьев, уже мелькали быстрые, неестественно гибкие тени. Охота началась.

Глава 5. Тени Старого Леса

Лес вокруг изменился. Если раньше он был просто мрачным, то теперь он стал враждебным. Корни деревьев, казалось, специально выгибались, чтобы подставить подножку, а колючие кусты цеплялись за одежду, раздирая её в клочья.

— Быстрее! — хрипел Никола, подталкивая Лёву в спину. — Они уже близко. Я слышу их дыхание.

И правда, за спиной, сквозь треск веток, доносилось частое, сиплое дыхание, похожее на работу прохудившихся мехов. Гончие не выли. Они шли молча, экономя силы для рывка.

Тропа резко вильнула и вывела беглецов на край обширного болота. Черная вода, покрытая ряской, пузырилась, источая запах сероводорода. Кочки, поросшие жесткой осокой, выглядели ненадежными островками в море трясины.

— Тупик! — в отчаянии крикнул Лёва, озираясь. — Мы не пройдем здесь!

— Пройдем, — голос Валеры был глухим, как из бочки. Его глаза снова горели синим. — Артефакт говорит... левее. Там гать. Старая, но держит.

Не успели они сделать и шага к спасительной тропе, как из чащи вылетели они.

Гончие.

Их было четверо. Это были кошмарные создания, словно сшитые грубым портным из кусков разных зверей и людей. Тела, лишенные шерсти, бугрились узлами мышц и жил.

Вместо голов у них были оголенные черепа с длинными, капающими слюной челюстями. Они передвигались на четырех лапах, неестественно выгибая спины.

— К бою! — заорал Никола, вставая перед братьями и широко расставив ноги. Топор в его руках описал дугу.

Первая Гончая прыгнула с места, целясь священнику в горло. Никола встретил её ударом обуха в грудь. Раздался хруст ломаемых ребер, тварь отлетела, визжа, но тут же вскочила, не чувствуя боли.

Вторая и третья обошли их с флангов, отрезая путь к болоту.

Лёва замахнулся своей шипованной дубиной. Страх ушел, осталась лишь холодная злость. — Получай, тварь! — Он ударил ближайшую Гончую по хребту. Шипы вошли в плоть, цепь лязгнула, наматываясь на лапу монстра. Лёва рванул на себя, опрокидывая тварь в грязь. Евдоким, не теряя времени, спикировал сверху, метя клювом в пустую глазницу черепа.

Но четвертая Гончая, самая крупная, с обрывками цепей на шее, рванулась к Валере. Она чувствовала Силу. Она хотела её.

Валера не стал использовать магию. Он просто стоял, опустив руки, и смотрел на приближающуюся смерть. Артефакт в сумке молчал, словно предательски ожидая исхода. *«Давай,* — подумал Валера с горькой усмешкой. — *Сожри меня. Может, тогда всё кончится».*

Гончая прыгнула. Её челюсти раскрылись у самого лица Валеры... и вдруг клацнули впустую.

Лес ожил.

Из болота, вздымая фонтаны грязной воды, поднялись корни. Огромные, узловатые, покрытые мхом и тиной. Они хлестнули Гончую в воздухе, словно кнут, отшвырнув её в сторону леса. Тварь врезалась в дерево с такой силой, что её череп разлетелся на куски.

Остальные Гончие замерли, прижав уши. Из чащи, медленно и величественно, вышел... медведь? Нет, это было существо, похожее на медведя, но его шкура состояла из мха и коры, а глаза светились мягким зеленым светом.

Леший. Или, как звали его в старину, Хозяин Леса.

Он встал на дыбы, возвышаясь над поляной, и издал рев, от которого задрожала земля. Это был не крик ярости, а приказ. — **ПРОЧЬ!** — прозвучало не в ушах, а прямо в головах у всех присутствующих. — **ГНИЛИ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО!**

Корни полезли из земли повсюду, хватая Гончих за лапы, утаскивая их в трясину. Твари визжали, пытаясь перегрызть дерево, но лес был сильнее. Через минуту на поверхности болота остались только пузыри.

Путники стояли ни живы ни мертвы. Леший медленно опустился на четыре лапы и повернул свою огромную голову к Валере. Зеленые глаза встретились с синим огнем в глазах парня.

— **Тяжела ноша,** — пророкотал голос в голове. — **Но**

неси. Пока не упадешь. А здесь... здесь отдыхайте. Лес не тронет тех, кто идет против Гнили.

Существо развернулось и, тяжело ступая, растворилось в тумане так же бесшумно, как появилось.

— Что это было? — прошептал Лёва, опуская биту. Его руки дрожали. Евдоким сидел на земле, притихший и уважительно склонивший голову в сторону ушедшего Духа.

— Защита, — выдохнул Никола, утирая пот со лба. — Древняя сила. Она не за нас, она просто против них. Нам повезло. Идемте, пока он не передумал.

Гать через болота оказалась крепкой. Они шли еще около часа, пока лес не стал реже, светлее. Воздух здесь был чистым, пахло хвоей и сушеными травами.

Вскоре они вышли на небольшую поляну, посреди которой стояла избушка. Она выглядела заброшенной, но крепкой. Крыша поросла мхом, окна были затянуты бычьим пузырем, но дверь висела на петлях надежно.

— Похоже на заимку травника или охотника, — определил Никола, осматривая стены. — Людей давно нет, но место доброе. Чистое.

Внутри было сухо. В углу стояла печь, на полках — пустые глиняные горшки и пучки сухих трав, от которых до сих пор исходил слабый аромат чабреца и мяты. Стол, лавка, широкая лежанка у печи.

Лёва первым делом проверил печь. Тяга была. — Можно развести огонь, — сказал он, с облегчением сбрасывая сум-

ку. — Согреемся.

Валера прошел в угол и сел на лавку, прислонившись спиной к бревенчатой стене. Он чувствовал опустошение. Адреналин схлынул, оставив после себя лишь серую усталость. Артефакт в сумке затих, словно насытившись чужим страхом.

Никола занялся ранами. Он развел огонь, вскипятил воду в найденном котелке и начал промывать свои царапины. — Валера, — позвал он негромко. — Дай посмотреть твое плечо. Та тварь тебя задела.

Валера нехотя стянул куртку. На плече алели три глубокие борозды. Края раны были черными, воспаленными. — Инфекция, — нахмурился священник. — Гниль. Лёва, поищи там, на полках. Может, осталось что из трав. Подорожник, зверобой, кора дуба.

Лёва перерыл все полки и нашел холщовый мешочек с сушеным сбором. Запах был резким, лекарственным. — Вот, кажется, ромашка и тысячелистник.

Никола заварил травы, сделал компресс. Когда горячая ткань коснулась раны, Валера зашипел, выгибаясь дугой. Из раны пошел черный дым, запахло паленой плотью. — Терпи! — приказал Никола, удерживая его. — Эта дрянь должна выйти.

Через час, когда все раны были обработаны, а в котелке булькала похлебка из остатков припасов и найденных Лёвой грибов, атмосфера в избушке стала почти домашней.

Евдоким, наевшись каши, дремал на теплой печи. Лёва сидел у огня, правя свою биту ножом — вычищал грязь между шипами.

— Никола, — тихо спросил Валера, глядя в огонь. — А ты... ты правда был инквизитором?

Священник замер с ложкой у рта. Он медленно опустил её в миску. Тени от огня легли на его лицо, делая его старше и жестче. — Откуда ты знаешь? — спросил он глухо.

— Артефакт, — Валера постучал пальцем по виску. — Он иногда... показывает. Картинки. Чужие мысли. Я видел тебя. В черной рясе. С факелом. Ты сжигал книги. И людей.

Лёва поднял голову, глядя на Николу с испугом. — Это правда?

Никола вздохнул. Это был тяжелый, скрипучий вздох человека, который носит на плечах гору грехов. — Был, — ответил он, глядя не на ребят, а в темный угол. — Давно. Я верил, что очищаю мир. Нам говорили, что зло нужно выжигать каленым железом. Что милосердие — это слабость.

Он помолчал, ворочая угли в печи кочергой. — А потом... потом я понял, что мы сами стали тем злом, с которым боролись. В одной деревне... там была девочка. Её обвинили в том, что она наводит порчу на скот. А она просто лечила зверей травами. Мой наставник приказал... — голос Николы дрогнул. — Я не смог. Я убил его. И сбежал. С тех пор я прячусь. Искупаю.

В избушке повисла тишина. Только трещали поленья да

посапывал гусь.

— Ты спас нас, — сказал вдруг Лёва. — И в деревне, и на болоте. Это считается.

Никола криво улыбнулся. — Бог рассудит, Лёва. А пока... нам нужно спать. Завтра будет трудный день. Леший дал нам передышку, но Гончие вернутся. Или придут те, кто их послал.

Они улеглись. Валера долго не мог уснуть. Боль в плече утихла, но в голове снова начинался шум. Голоса были тише, но злее. Они шептали о предательстве, о крови, о власти. *«Спи,* — уговаривал голос. — *Спи, мой маленький носитель. Набирайся сил. Скоро мы покажем этому миру, что такое настоящий огонь».*

За окном, в ночной тишине леса, хрустнула ветка. Кто-то или что-то стояло там, наблюдая за избушкой. Но внутрь зайти не решалось. Пока что.

Глава 6. Дар Хранителя

Утро просочилось в избушку серым, липким светом. Лёва проснулся первым. Его разбудил не свет, а странный звук — будто кто-то царапал дерево изнутри. Он приподнял голову и увидел Валеру.

Брат спал, сидя в углу. Его лицо было искажено гримасой боли, а рука, сжимающая ремень сумки, побелела от напряжения. Но самым жутким было то, что сумка, казалось, прилипла к его боку. Ткань пульсировала, словно под ней билось второе сердце, и темные вены проступали на коже руки Валеры, уходя под рукав.

«Оно ест его, — с ужасом подумал Лёва. — *Даже во сне».*

Чтобы не будить остальных, Лёва тихо сполз с лежанки. Половица под ногой скрипнула, но как-то неестественно глухо. Лёва присмотрелся. Одна из досок у печи была чуть приподнята, а щель забита сухим мхом.

Любопытство пересилило страх. Поддев доску ножом, он с натугой отодвинул её. В открывшемся тайнике лежал сверток, обернутый в промасленную кожу.

— Что там? — раздался шепот над ухом. Лёва вздрогнул, чуть не выронив находку. Это был Никола. Священник уже не спал, его рука привычно лежала на топоре.

— Тайник, — шепнул Лёва. — Травник что-то спрятал.

Они развернули кожу. Внутри оказалась толстая тетрадь в переплете из бересты и несколько пучков сухой, странно пахнущей травы с серебристыми листьями.

Лёва открыл тетрадь. Страницы были исписаны мелким, убористым почерком, чернила местами выцвели, но читать было можно. — «Год 12-й от Большого Мора», — прочитал Лёва вслух. — «Тень снова накрыла лес. Я нашел способ сдерживать Шепот. Трава "Сон-дурман" и "Слеза камня". Если смешать их и прочесть заговор Очищения, можно разорвать связь между Носителем и Проклятым Предметом...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.